

А.С. КОЗИНЦЕВ*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ КАК ЭТАП НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МАРОККО¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме институционализации исламских партий в ходе национально-государственного строительства в арабских политиях. Проверяется гипотеза о том, что легализация принимающих рамку современных политико-институциональных взаимодействий исламских партий позволяет преодолеть имплицитно присущую неорганической модернизации конфликтность коллективного сознания, сочетающего традиционные религиозные представления и формирующееся чувство национальной принадлежности, а также повышает легитимность политической власти в целом. В этом контексте анализируются внешнее и внутреннее измерения институционализации марокканской Партии справедливости и развития (ПСР), которая, впервые приняв участие в национальных выборах в 1997 г., в настоящее время выступает ведущей силой в коалиционном правительстве Королевства Марокко. Внутреннее измерение институционализации ПСР рассмотрено через становление формальной организационно-партийной структуры, включающей механизм выборов и каналы финансирования, а также преемственность политической повестки и направлений деятельности; внешнее измерение – через характеристику электората, участие в региональных и национальных выборах, формирование парламентских и правительственных коалиций. Выявлено, что, расширяя социальную базу поддержки и участвуя в работе властных институтов различных уровней, ПСР вместе с королевской властью обеспечивает совмещение национального и религиозного компонентов идентич-

* **Козинцев Александр Сергеевич**, соискатель кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–31475.

© Козинцев А.С., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.01.10

ности и тем самым способствует поддержанию стабильности политической системы в условиях меняющейся социальной структуры.

Ключевые слова: институционализация политических партий; исламские партии; нация-государство; Марокко; Партия справедливости и развития; национально-государственное строительство; модернизация; исламская идентичность.

Для цитирования: Козинцев А.С. Институционализация исламской Партии справедливости и развития как этап национально-государственного строительства в Марокко // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 258–280. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.10>

Вопрос о легализации деятельности исламских политических акторов остается предметом научной дискуссии. Часть исследователей акцентируют внимание на рисках прихода к власти исламистов [Roy, 1998; Долгов, 2010], отсутствии у них сформулированной концепции государства и программы реформ [Сапронова, 2018], а также характеризуют политический ислам преимущественно как реакцию на вызовы глобализации и вестернизации [Ланда, 2005]. Другие утверждают, что легальное участие исламских партий в политическом процессе способствует развитию и стабилизации политической системы мусульманских стран [Esposito, Voll, 1996; Atkin, 2000; Esposito, Sonn, Voll, 2016; Малашенко, 2007; Кудряшова, 2008], и анализируют перспективы «незападных демократий» [Is non-western democracy, 2017].

Острота дискуссии обусловлена прежде всего тем, что, занимая в той или иной степени рамку нации-государства, правящие элиты арабских и других мусульманских стран должны учитывать высокий уровень религиозности населения и возможность радикальной политизации ислама [Кудряшова, 2017]. Как отмечает Л. Сюкийянен, основной категорией суннитской политической мысли является халифат, рассматриваемый «как сущность исламской власти и как специфическая форма правления» [Сюкийянен, 2016, с. 140]. Следовательно, для верующих источником суверенитета выступает Аллах, и воля *уммы* как земного носителя суверенитета ограничена Его волей (шариатом).

В этом контексте случай Марокко, власти которого декларируют приверженность демократии и модернизации, представляет особый интерес: с одной стороны, монарх наделен самыми широкими полномочиями и имеет религиозную легитимацию (согласно конституции, он – «повелитель правоверных») и «верховный представи-

тель государства», наделенный «высшей властью»), с другой – самой влиятельной политической партией страны является исламская Партия справедливости и развития (ПСР), лидер которой возглавляет коалиционное правительство.

Известный исследователь динамики отношений между монархией Алауитов и исламскими институтами В. Орлов фиксирует в марокканском политическом процессе два режима взаимодействия: (1) исламские структуры подменяют власть при ослаблении шерифской (возводящей свой род к пророку Мухаммаду) династии и (2) власть ограничивает и опекает исламские организации [см.: Орлов, 2010 а; 2010 б; 2013].

Большинство ученых следуют логике В.В. Орлова, согласно которой в настоящее время «умеренные исламисты принимают навязанные королевской властью правила политической игры» и стараются поддерживать конкуренцию на религиозном, а не на политическом поле [Орлов, 2010 б]. Признавая ведущую роль монархии в политике страны, мы хотели бы внимательнее рассмотреть процесс институционализации этого крыла политического ислама и его способность выражать общие интересы в условиях происходящих социальных изменений. Как представляется, это позволит определить реальную значимость ПСР для современного этапа национально-государственного строительства.

Для этого предполагается: (а) рассмотреть структурные особенности традиционного марокканского государства и переход к современным формам государственного строительства, (б) проанализировать стратегию взаимодействия королевской власти с исламским движением в процессе формирования партийной системы, (в) исследовать внешнее и внутреннее измерения партийно-политической институционализации ПСР, (г) оценить деятельность ПСР как парламентской партии.

Территориальная консолидация и формирование стратегии национально-государственного строительства в Марокко

В доколониальном Марокко функционировал автохтонный институт объединения сегментированной территории – *махзен* (араб., «место хранения»), который представлял собой разновидность патрон-клиентских отношений между султаном / королем и

высокопоставленными военными, чиновниками и представителями экономической элиты. Эти отношения исторически сложились на основе права султана взимать с подконтрольных земель (*бияд аль-махзен*) налоги и набирать рекрутов. В случае отказа он мог использовать меры принуждения. Для территорий, не признавших это право (так называемые *бияд ас-сиба* (араб., «блуждающие земли»)), правитель оставался символом единства *уммы* и воплощением ее исламской принадлежности [Сергеев, 2001, с. 32–34].

Интенсивные контакты с европейцами в XIX в., а затем франко-испанский протекторат 1912 г. обусловили появление современных политических институтов и кодификацию прав собственности. Проникновение французского капитала отразилось на транспортной инфраструктуре и технологиях ведения сельского хозяйства. Метрополия стремилась культивировать плодородные земли и установить систему сбора налогов на территории *бияд ас-сиба*. В этот период возникли новые железнодорожные пути между городами и периферийными регионами, обновились морские порты (подробнее см.: [de Tarde, 1919]).

Марокко активно осваивали французские поселенцы, доля которых в населении колебалась от 6 до 8% [Gallissot, 1978, p. 37–43]. Сельскохозяйственная деятельность французов не только способствовала промышленной модернизации, но и рождала недовольство среди местного населения, в чьих глазах эти поселенцы воспринимались как «колонизаторы». К 1955 г. более 1 млн га (12%) марокканских земель находилось в собственности французов. В этот же период происходила активная урбанизация, сопровождавшаяся ростом численности населения со средним образованием. Прирост населения за 1913–1958 гг. в крупных городах составил 5,8%, в отдельные периоды превышая 11% [Johnson, 1971, p. 5–8].

Французская администрация внедряла светскую систему образования, поддерживая школы на территориях, преимущественно населенных берберами. Одновременно она прилагала усилия к формированию раскола между арабским и берберским населением. Результатом этой политики стала попытка принять в 1930 г. «Берберский дахир» (указ), одним из положений которого берберам предоставлялась автономия в судебной системе [Володина, 2011, с. 19–37]. Изменение сельскохозяйственного уклада, дополнительные «неисламские» налоги, распространение европейских

идей и появление рядом с шариатским судьей столичного чиновника стали источником дальнейшей структурной дифференциации традиционной системы власти.

В конце 1940-х годов в стране сформировалась стратегия государственно-национального строительства, в центре которой рядом с фигурой монарха оказалась провозгласившая борьбу за национальное освобождение партия Истикляль¹. В среде интеллектуалов марокканская нация концептуализировалась как общность, принципиально не сводимая к каким-либо внешним источникам и обусловленная сочетанием исламской традиции с уникальностью исторической судьбы народа [Аль-Фаси, 1948]. В этой логике в ходе борьбы за независимость нация обретала реальные очертания, а ислам не был препятствием для социально-политических изменений [Balafrej, 1956, p. 483–489]. Напротив, возможность толкования общих принципов ислама в том или ином ключе должна была сглаживать негативные последствия модернизации. По этой причине представляется закономерным, что новый концепт нации оформлялся с помощью традиционного для мусульманского общества института – мечети. Показательно, например, следующее воззвание: «Милостивый Аллах, какая бы доля нам ни была уготована, не разделяй нас с берберскими братьями» [Bennouna, 1951, p. 45]. Учитывая проживание берберов в приграничных областях, такой призыв способствовал консолидации не только культурных, но и территориальных границ.

Парламентская система представительства возникла в Марокко после возвращения в страну в 1955 г. султана Мухаммада V², ссылка которого, инициированная французскими властями, была прекращена вследствие давления национально-освободительных движений и групп, к тому времени оформлявшихся в политические партии. Сначала этот орган напоминал совещательный совет при монархе (его номинальная самостоятельность была закреплена с принятием в 1963 г. первой конституции). В настоящее время он трансформировался в двухпалатный парламент, где основные эффективные полномочия отнесены к ведению нижней палаты (Палаты представителей); верхняя (Палата советников) избирается путем непрямого голосования.

¹ Созданная в 1943 г. Истикляль (Партия независимости) объединяет сторонников конституционной монархии и марокканского национализма.

² В 1957 г. Мухаммад V принял титул короля.

Возникшая после обретения королевством независимости в 1956 г. многопартийная система отличалась высокой фрагментацией [Szmolka, 2009, p. 14], хотя первоначально исламские политические силы не были в ней представлены. С одной стороны, большое количество партий было обусловлено историческим разнообразием национально-освободительного движения, с другой – отсутствие доминирующей партии и законодательно закреплённая необходимость формировать парламентские коалиции позволяли королю играть роль независимого арбитра. Партии того периода можно подразделить на два типа: (а) специально созданные королевским двором и (б) находившиеся в «лояльной оппозиции» [Pellicer, Wegner, 2015, p. 32–50]. Задача первых¹ состояла в мобилизации населения для одобрения властных инициатив и поддержки принятых решений. Ко второму типу относились партии, имевшие опыт радикального протеста, – Истикляль и отколовшийся от нее левоцентристский Социалистический союз национальных сил (ССНС).

Таким образом, на протяжении XX в. в Марокко одновременно развивались два процесса. С одной стороны, постепенная смена политического и социально-экономического уклада требовала сочетания традиционного управления, основанного на символической апелляции к исламской общине, с возникающей в ходе деколонизации формой нации-государства. С другой стороны, дифференциация общественно-политической сферы и усложнение управления вызвали необходимость в новых каналах коммуникации власти и общества.

Монархия и исламские политические организации

Политику королевского двора в отношении сторонников исламских политических организаций можно охарактеризовать как

¹ К наиболее влиятельным неисламским партиям можно отнести: «Народное движение», созданное в 1958 г. для мобилизации глав сельских общин; «Национальное объединение за независимость» (НОН) 1978 г., основателем которого был зять короля Хасана II; Конституционный союз, отколовшийся от НОН в 1983 г. В 2007 г. в качестве противовеса набирающей популярность ПСР приближенным Мухаммада VI Фуадом аль-Химмой создана партия «Самобытность и современность».

балансирование между двумя полюсами – репрессиями и кооптацией [Wegner, 2011]. Первые структурные формы исламское движение приобрело в начале 1970-х годов. Вдохновленные примером египетских «Братьев-мусульман», студенты и преподаватели университетов крупных городов основали две организации – Справедливость и благоденствие (СБ) и Исламская молодежь, которые можно считать предшественниками современной ПСР. Целью было провозглашено свержение правящей монархической элиты. Однако Хасан II (1961–1999) не спешил преследовать студенческие организации исламской направленности, используя их в качестве противовеса левым молодежным инициативам.

В период правления Хасана II отмечается сближение двора с оппозиционными движениями. Так, марокканские власти купировали ряд конституционных кризисов¹, опираясь на лояльные монархические партии и включая в состав легальной оппозиции партии с националистической и социалистической повесткой. Однако несмотря на предпринятые королевским двором меры, рост привлекательности политического ислама продолжился. Королю пришлось пойти на переговоры с исламскими организациями и последующую кооптацию во власть их умеренных представителей.

На современном этапе исламские движения в Марокко представлены СБ и Движением за единство и реформу², отказавшихся от насильственных методов борьбы. Основной акцент они делают на повышение качества образования и миссионерскую деятельность преимущественно в малых городах и на периферии. При этом неоднократно в лояльных действующей власти СМИ появлялась информация о том, что у них есть законспирированные боевые ячейки, членами которых являются учащиеся старшей школы [Tozy, 1998]. Организации не имеют легального статуса, поскольку публично критикуют монархическое правление и не признают легитимность выборов. Их ячейки закрывают, лидеров периодически помещают в психиатрические больницы³, тиражи периодической печати уничтожают.

¹ Две неудачные попытки военного переворота и восстание в Южном Марокко произошли в период 1970–1973 гг.

² Откололось от организации «Исламская молодежь».

³ А. Ясин, руководитель СБ, в общей сложности провел в психиатрической больнице 16 лет.

Самым влиятельным исламским политическим актором в стране является ПСР, впервые выступившая на национальных выборах в 1997 г. в составе Народно-конституционного и демократического движения (НКДД). Ее политическое и организационное развитие было во многом предопределено конституционными реформами 1990-х годов и 2011 г., которые расширили участие граждан в избирательном процессе и закрепили передачу части полномочий от короля к парламенту. Укреплению позиций партии на местах способствовал процесс децентрализации, запущенный в середине 1970-х годов. Механизмы ее институционализации будут подробно рассмотрены ниже.

Институционализация ПСР

Внутреннее измерение институционализации ПСР представляется целесообразным проанализировать через становление формальной организационно-партийной структуры, включающей механизм выборов и каналы финансирования, а также преемственность политической повестки и направлений деятельности; внешнее (позволяющее оценить способность выражать общие интересы) – через характеристику электората, участие в региональных и национальных выборах, формирование парламентских коалиций [Levitsky, 1998].

Участие в электоральном процессе. Впервые участвуя в выборах в составе НКДД, «протоПСР»¹ не имела формализованной структуры и четкой предвыборной программы. Ставка была сделана на опытного и харизматичного лидера – А. Хатыба. Движение набрало 4,1% голосов и провело в нижнюю палату парламента девять представителей. Скромные результаты объясняются административными барьерами – партия смогла выставить своих кандидатов только в 142 из 325 избирательных округов. Тем не менее было принято решение отказаться от бойкота выборов и в стратегии мобилизации электората опереться на проповеди в мечетях и миссионерскую деятельность Движения за справедливость и реформу, чьи представители в результате также вошли в парламент. Выборы 2002 и 2007 гг.

¹ Под современным названием партия известна с 1998 г.

отличались большей прозрачностью и меньшим вмешательством со стороны министерства внутренних дел¹.

Стратегии ПСР на национальном и региональном уровнях существенно различались. Если национальные партийные лидеры концентрировались на вопросах исламской идентичности, либерализации политической системы и социальной справедливости, то региональные функционеры стремились укрепить позиции на местах. Они выступали от лица граждан перед главами местной администрации с требованиями социально-экономического характера.

Электоральные данные (см. рис. 1, 2) свидетельствуют об устойчивом росте поддержки ПСР с 1997 по 2016 г. Тенденция распространяется на выборы как в парламент, так и в местные советы. Во многом благоприятной для ПСР динамике способствовало изменение выборного законодательства в 2002 г., трансформировавшее электоральную систему Марокко из мажоритарной в пропорциональную [Barwig, 2009]. Реформа пришлась на первые годы правления Мухаммада VI и, по расчету властей, должна была привлечь к сотрудничеству левые оппозиционные партии.

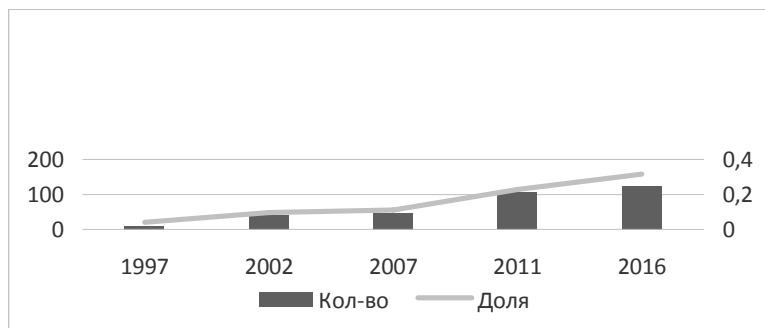

Рис. 1.
ПСР в Палате представителей, 1997–2016 гг.²

¹ NDI final report on the Moroccan legislative elections.–2007. – Mode of access: https://www.ndi.org/files/2316_ma_report_electionsfinal_en_051508_1.pdf (Accessed: 14.03.2019.)

² Рассчитано по: Moroccan General Election Results. – 2019. – Mode of access: <http://www.elections.ma/elections/legislatives/resultats.aspx> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic); Previous Legislative Mandates. – 2019. – Mode of access: <http://www.chambredesrepresentants.ma/ar/node/40935> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic).

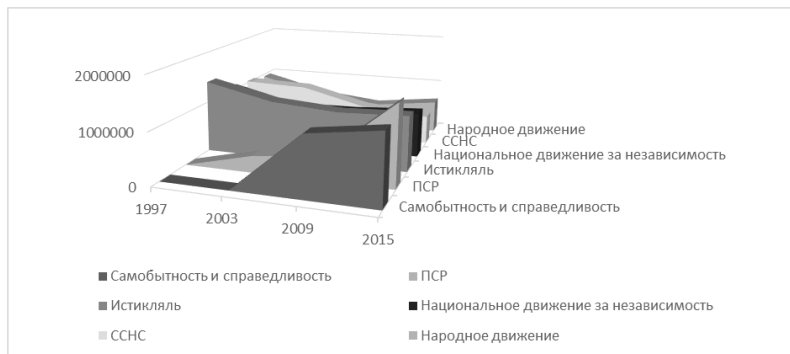

Рис. 2.
Динамика голосов на региональных выборах,
1997–2015 гг. (млн)¹

Формирование парламентских коалиций. Стратегию ПСР в парламенте можно подразделить на два периода: оппозиционная деятельность (1997–2007) и вхождение в правящую коалицию (2011 г. – н. вр.). До 2007 г. партийное руководство отказывалось входить в правительство, сознательно дистанцируясь от деятельности, которая в условиях низкой эффективности управления нанесла бы ущерб партийной репутации. При этом партия отличалась «многовекторностью» связей, блокируясь при проведении тех или иных акций не столько с исламскими движениями (на выборах она с ними блокировалась и не могла из-за их формального запрета), сколько с силами левого политического спектра.

После того как ПСР набрала большинство на парламентских выборах в 2011 и 2016 гг., королевский двор приложил усилия к максимальному ослаблению ее как альтернативной политической силы. Для этого использовался целый ряд инструментов. Одним из них стало обеспечение прохода в парламент малых партий за счет использования квоты Хейра, дающей таким партиям электоральное преимущество, другим – создание в 2007 г. промонархической

¹ Рассчитано по: Moroccan General Election Results. 2019. – Mode of access: <http://www.elections.ma/elections/legislatives/resultats.aspx> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic); Previous Legislative Mandates. – 2019. – Mode of access: <http://www.chambrerepresentants.ma/ar/node/40935> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic).

партии «Самобытность и справедливость», которая, значительно улучшив свои позиции на последних выборах, отказалась войти с ПСР в «коалицию победителей». Эта ситуация вынудила ПСР формировать правящую коалицию с малыми партиями (на 2019 г. их там пять), что сохраняет перманентную угрозу ее развала.

Еще одним инструментом сдерживания ПСР стало использование административного ресурса – манипуляции с границами избирательных округов в пользу более широкого представительства лояльного монарху сельского населения. Следует также отметить, что Мухаммад VI, пришедший к власти в 1999 г., сохранил право утверждать премьер-министра из членов победившей на выборах партии и контролировать назначение руководителей ключевых министерств и ведомств¹.

Характеристика электората. Выборы 2016 г., на которых победу вновь одержала ПСР, подтвердили профиль избирателей исламских партий. В табл. 1 указаны районы с наибольшей долей проголосовавших за ПСР и приведены релевантные социально-экономические показатели. Результаты выборов по регионам свидетельствуют о том, что за партию голосуют жители крупных городских агломераций, значительная часть которых имеет полное среднее или высшее образование. Избиратели скорее владеют двумя и более иностранными языками (преимущественно французским и английским), что дает им возможность быть интегрированными в мировое информационное пространство, а также получать образование в зарубежных университетах.

Если перейти на уровень анализа отдельных регионов, где ПСР заняла первое место, то наблюдается значимая отрицательная корреляция между отданными за партию голосами и уровнем неграмотности населения (см. рис. 3). Ситуация в регионе Касабланка-Сетат является примером подобного распределения, при этом такая же зависимость прослеживается во всех регионах, в том числе при учете уровня образования, наличия электричества и Интернета в домохозяйствах, а также владения иностранными языками. Более того, результаты 2016 г. подтверждаются более ранними

¹ См.: Constitution of the Kingdom of Morocco of 2011. – Mode of access: https://www.constituteproject.org/constitution/Morocco_2011.pdf?lang=ar (Accessed: 23.03.2019.) (In Arabic).

исследованиями – при постепенном росте линейной зависимости между переменными [Pellicer, Wegner, 2014].

Таблица 1
Социально-экономические характеристики районов с наибольшей долей голосов за ПСР, 2016 г. (%)¹

Район	Голоса	Полное среднее / высшее образование	Урбанизация	Владение иностр. яз.	Доступ к интернету
Инезган – Эйт Мелюль	63,3	33,2	94,9	64,2	21,7
Мерс Султан (Касабланка)	59,6	48,6	99,3	73,6	33,3
Мулай Рашид (Касабланка)	59	40,6	99,1	72,9	22,7
Фес	54,4	62,2	98,2	74,2	23,8
Сале	48,5	43,2	93	73,3	30
Рабат	43,9	53,3	100	76,6	46,6
Мохаммедия	42,6	66,7	71,4	69,3	29,8
Схират-Темара	42,2	42,4	90	72,6	30,4
В среднем по стране	27,9	30,1	61,9	67,2	19,3

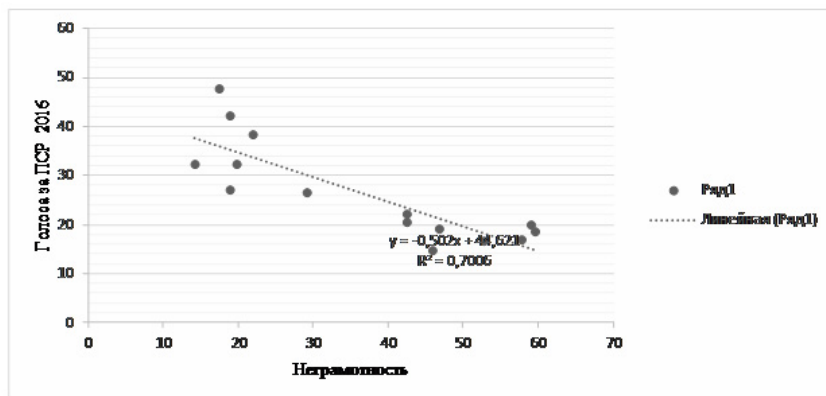

Рис. 3.
Зависимость голосов за ПСР от уровня неграмотности в регионе Касабланка-Сетат по результатам выборов 2016 г.¹

¹ Составлено по: Demographic Indicators. High Commissioner for Planning (in Arabic). – 2018. – Mode of access: <http://rgphentableaux.hcp.ma/Default1/> (Accessed: 20.03.2019.)

Таким образом, ПСР смогла мобилизовать наиболее образованное и экономически благополучное население средних и крупных городов, для которого значимы национальный и религиозный компоненты идентичности и которое способно самостоятельно определять свои политические предпочтения. Устойчивый рост поддержки представителей партии в городских и сельских советах закрепляет за ПСР репутацию ответственной политической силы.

Организационно-партийная структура. Исторически партия уходит корнями в конгломерат исламских движений, возникших в Марокко в конце 1960-х годов. Одним из наиболее крупных таких объединений было Движение за единство и реформу (ДЕР). Оно отличалось подчеркнуто умеренным курсом на реформы в сотрудничестве с действующей властью и демократическими внутренними процедурами. Например, лидер не имел права возглавлять движение более двух четырехлетних сроков. Исполнительный орган насчитывал 13 человек, которые избирались и были полностью подотчетны коллективному руководящему органу – Совету шуры. Национальная ассамблея (съезд партии) вырабатывала стратегию и утверждала размер членских взносов – 2,5% от заработной платы [Wegner, 2011, p. 25]. Однако несмотря на высокую поддержку в крупных городах, университетской среде и профсоюзах, организации не удалось зарегистрироваться в качестве самостоятельной политической партии. В 1996 г. состоялся учредительный съезд, где большинство лидеров ДЕР вошли в секретариат создававшейся партии – будущей ПСР. Одновременно с трансформацией органов управления обновлялись представительства партии в городах: они превращались в партийные ячейки.

Важной особенностью стал сознательный «функциональный разрыв» между ПСР и материнской организацией. Партия дистанцируется от любых форм религиозной деятельности и акцентирует внимание лишь на вопросах «исламской идентичности». Вместе с тем на региональном и местном уровнях в вопросах финансирования и привлечения новых кадров ПСР действует в тесной координации с Движением. Это позволяет ей поддерживать имидж представителя интересов мусульман-суннитов.

¹ Рассчитано по: Moroccan General Election Results.–2019. – Mode of access: <http://www.elections.ma/elections/legislatives/resultats.aspx> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic).

В организационном плане ПСР прошла эволюцию от слабо сформированной до структурированной организации со своей системой сдержек и противовесов. Лучше всего это демонстрирует процедура внутривыборных выборов. В 1997 г. Генеральный секретарь (ГС) обладал полномочиями самостоятельно проводить назначения на ведущие должности, а рядовые члены формально не имели права выбирать своих лидеров. К 2004 г. разработана и запущена система многоступенчатых выборов в местные и региональные советы, которые, в свою очередь, наделялись правом формировать секретариаты и другие партийные органы. Были созданы контрольные комиссии по исполнению бюджетов и проведению голосований, основной целью которых стало обеспечение прозрачности. После активных протестов 2011 г. руководство прямо заявило, что если партия выступает за демократические принципы в марокканском обществе, то следует «начать с себя». К 2016 г. утвердился принцип ограничения количества сроков полномочий на высших должностях.

В настоящее время ПСР представляет собой сложную формализованную структуру, в которой сосуществуют вертикальные и горизонтальные связи¹. Высшим органом является Национальная конференция, которая принимает программу партии, определяет основные направления деятельности, избирает ГС и членов Национального совета партии. Очередные съезды проводятся каждые четыре года, в них участвуют по два представителя от каждого исполнительного органа на государственном, региональном и местном уровнях. Национальный совет, второй по значимости партийный орган, проводит съезды раз в год. Он обладает широкими полномочиями формировать межконференционную повестку и принимать годовой бюджет. Совет также имеет право избирать заместителей ГС и в случае необходимости отстранять от должности его самого. Текущей исполнительной работой на высшем уровне занимается ГС, который отвечает за реализацию программы партии в парламенте и правительстве, поддерживает связи с иностранными организациями и утверждает кандидатуры на выборах. В составе секретариата 27 человек, выдвигаемых из числа глав основных партийных структур, а также союзных организа-

¹ Rules of Procedure, Justice and Development Party. – 2016. – Art. 20–50. – Mode of access: <https://www.pjd.ma/telecharger/6273> (Accessed: 02.03.2019.) (in Arabic).

ций: союза молодежи, женщин и различных профсоюзов. В случае успеха партии на выборах именно члены секретариата занимают должности министров.

Анализируя руководящий партийный состав (см. табл. 2), следует отметить сравнительно невысокую долю лиц, получивших религиозное образование, что объясняется разделением функций между ПСР и ДЕР, а также курсом на компетентность руководящего аппарата. Профессиональный состав последнего связан с историей развития организации прежде всего в университетской среде.

Таблица 2

Социальная характеристика руководящего состава ПСР, 2019 г. (%)¹

	Техническое / экономическое	Гуманитарное / юридическое	Религиозное	Научная степень
Образование	37	44	11	56
Профессия	Преподаватель	Адвокат	Инженер / экономист	Другие
	44	14	18	24
	30–40 лет	41–50 лет	Более 50 лет	
Возраст	35	40	25	

Ключевые направления политического курса ПСР заложены в Уставе², обновленном на съезде 14 июля 2012 г. Согласно преамбуле, партия опирается на марокканское наследие, которое включает три базовых элемента: традиционные ценности, конституционную монархию и независимый демократически избранный парламент, представляющий все слои общества.

Какие же ценности направляют деятельность ПСР? Прежде всего, «правильность, прямота» (*истикама*), которая ассоциируется у мусульман с кораническим словосочетанием «прямой путь»³ (*ас-сырат аль-мустахим*) и может быть интерпретирована как верность Аллаху и жизнь в соответствии с Кораном. В Марокко

¹ Составлено по: PJD Governing Institutions Portal. – 2019. – Mode of access: <https://www.pjd.ma/epace-institutionnel/> (Accessed: 01.04.2019.) (in Arabic).

² Justice and Development Party Statute. – 2012. – Mode of access: <https://www.pjd.ma/telecharger/16772> (Accessed: 10.04.2019.) (in Arabic).

³ В исламской эсхатологии *сырат* означает мост для испытания верующих во время Судного дня. Для правверных (тех, кто следовал *истикама*), путь по мосту окажется «прямым и легким».

термин *истикама* близок к понятию «срединного пути» и «умеренности» в мирских делах. Этот принцип очерчивает политическую рамку деятельности ПСР: обращение к исламской общине во всем ее многообразии, а также отказ от насилия и экстремизма в политической деятельности. В программных документах он применяется к характеру правления (*хукм аль-истикама*) и означает подотчетность и транспарентность государственного аппарата перед политически активной общиной. Таким образом, в исламской доктрине обретаются основания для актуализации модернизационной повестки. Вместе с исламской составляющей отражены и другие компоненты, характерные для национальных марокканских движений и разделяемые сегодня большинством партий: ответственность, свобода, справедливость, солидарность, а также «каждодневная борьба за интересы Родины (*аль-ватан*)».

Руководство партии определяет свою деятельность как «модернизацию Марокко». В практической плоскости ее повестка выражается в программах правительства (2011–2015; 2016–2021)¹, где отмечается, что развитие национальных институтов напрямую зависит от политического участия граждан, основанного на уважении достоинства и удовлетворении запроса на социальную справедливость. В интерпретации ПСР политическая модернизация предусматривает сокращение числа лиц, живущих за чертой бедности, и формирование среднего класса.

Концентрация на этих реформах способствует увеличению электората партии и одновременно снижению уровня радикальных настроений. Для образованных городских молодых марокканцев, составляющих основную часть электората ПСР, очень важными, согласно данным шестой волны Всемирного обзора ценностей [Inglehart, Norris, Ponarin, 2014], оказываются улучшение экономического положения и борьба с коррупцией. В программе действующего правительства (2016–2021) сделан акцент на развитии туризма, внутреннего товарооборота и бюджетных трансфертов с целью борьбы с неравенством и возникающими на этом фоне протестами на периферии.

¹Government Programs 2011–2015 / 2016–2021. – Mode of access: http://www.maroc.ma/fr/system/files/documents_page/pro_gouv_1.pdf (Accessed: 11.04.2019.) (In Arabic).

Важным элементом в программе является политика памяти, которая выстраивается вокруг преемственности монархического правления и центральной роли ислама как основы идентичности многосоставного марокканского общества. В ходе реализации этой задачи была проведена реставрация более 500 памятников архитектуры, большинство из которых – мечети. ПСР под эгидой государства развивает цифровое вещание на берберском и арабском языках, поддерживает национальный кинематограф. Наблюдается также мифологизация прошлого, которое изображается как защита страны от «чужаков».

В результате заметного успеха в проведении правительственных реформ¹, прежде всего в сфере противодействия коррупции, защиты прав собственности и транспарентности судебного процесса, ПСР смогла заявить о себе в качестве политической силы, которая способна исполнять предвыборные обещания². Об этом свидетельствуют, в частности, данные «Арабского барометра»: 60,8% респондентов считают, что экономическая ситуация в стране улучшилась (по сравнению с 50,7% в 2016 г.). Сократилось количество респондентов, которые полностью не доверяют законодательной (с 47,5% в 2007 г. до 32,7% в 2016 г.) и исполнительной (с 31,1% в 2007 г. до 21,1% в 2016 г.) власти [Arab Barometer, 2018]. Приведенные данные подтверждают и общий рост легитимности власти в стране.

Таким образом, оставаясь лояльной королевскому двору, ПСР сохраняет приверженность предвыборной программе и интересам своего электората.

Заключение

В процессе диффузии и / или заимствования западных социально-политических норм и практик арабские политики сталкиваются с проблемой адаптации традиционных религиозных и современных институтов к трансформирующимся политическим

¹ First Year Government Report. – 2019. – Mode of access: <https://www.cg.gov.ma/sites/default/files/documents/bilan-1-an.pdf> (Accessed: 2.04.2019.) (In Arabic).

² С момента реализации второй правительственной (2016–2018) программы Марокко поднялось с 90-го на 73-е место в Индексе восприятия коррупции.

системам. Сопровождающий модернизацию рост политической активности вызывает необходимость поиска механизмов, которые связывали бы эти институты, снижая уровень конфликтности в отношениях власти и общества. Институционализация марокканской ПСР, основная роль которой выражается в сопряжении национального и религиозного компонентов марокканской идентичности и формировании общего поля интересов избирателей, показывает, что легализация принимающих рамку современных политико-институциональных взаимодействий исламских партий позволяет частично решать эту проблему.

Партия интерпретирует нормы и ценности исламской доктрины таким образом, что в итоге оказывается формой идентификации электората с исламом и королем – лидером *уммы*, организационно оставаясь при этом автономным институтом [Arab Barometer, 2018].

Со своей стороны, монархическая власть обоснованно рассматривает ПСР как соперника в борьбе за выражение интересов мусульманской общины и, хотя и вынуждена интегрировать ее из-за потребности в дополнительной легитимации в условиях социального протеста¹, не допускает ее доминирования. При относительном большинстве в Палате представителей партия не имеет возможности создать эффективное правительство из-за большого количества партий, в том числе поддерживаемых двором, и необходимости формировать правящую коалицию только с малыми лоялистскими партиями. Ее дальнейшему политическому росту препятствуют и конституционные полномочия короля в области назначения премьер-министра и распределения портфелей, а также административные манипуляции с нарезкой округов со стороны министерства внутренних дел. В целом для сложившейся политической ситуации характерно состояние контролируемого баланса между основными политическими акторами, что позволяет осуществлять модернизационные реформы, не допуская опасной дестабилизации политической системы.

¹ NDI final report on the Moroccan legislative elections. – 2011. – Mode of access: <https://www.ndi.org/files/Morocco-Final-Election-Report-061812-ENG.pdf> (Accessed: 12.01.2019.)

Список литературы

- Аль-Фаси А.* Аль-Харакят аль-Истиклялийа фи аль-Магриб аль-Арабий = Движения за независимость в Северной Африке. – Бейрут: Матбаа ар-Рисалья, 1948. – 488 с. – Араб. яз.
- Володина М.А.* Берберы Северной Африки: культурная и политическая эволюция (на примере Марокко). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 112 с.
- Долгов Б.В.* Движения политического ислама в Магрибе // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 5 (14). – С. 123–132.
- Кудряшова И.В.* Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / И. Семененко (сост.). – М.: Весь мир, 2017. – С. 228–241.
- Кудряшова И.В.* Национализм на Ближнем Востоке: от мусульманской уммы к нации-государству? // Политическая наука. – 2008. – № 1. – С. 132–166.
- Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги. – М.: Институт Ближнего Востока, 2005. – 286 с.
- Малашенко А.В.* Почему боятся ислама? // Россия и мусульманский мир. – 2007. – № 3. – С. 121–141.
- Сапронова М.А.* Исламские партии и государство // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 11 (736). – С. 30–33. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S032150750001786-6>
- Орлов В.В.* Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности // Россия и мусульманский мир. – 2010 а. – № 5. – С. 128–137.
- Орлов В.В.* Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности (окончание) // Россия и мусульманский мир. – 2010 б. – № 7. – С. 134–141.
- Орлов В.В.* Монархия и ислам в алауитском Марокко: исторические пути взаимодействия: XVII – начало XXI в.: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – 46 с.
- Сергеев М.С.* История Марокко. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – 356 с.
- Сюкийянен Л.П.* Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Ислам в современном мире: внутрисударственный и международно-политический аспекты. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 139–152.
- Arab Barometer: Public Opinion Survey Conducted in Algeria, Egypt, Jordan, Lebanon, Morocco, Palestine, and Tunisia, 2016 / W. AlKhatib, M. Robbins, M. Shutaywi, A.A. Jamal, M.A. Tessler, K. Shiqaqi, Y. Meddeb, R. Haber, I. Mezlini, H. Latif, M. Abderebbi. – Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], 2018. – DOI: <https://doi.org/10.3886/ICPSR37029.v1>
- Atkin M.* The rhetoric of islamophobia // Central Asia and the Caucasus. – 2000. – Vol. 1. – P. 123–132.
- Balafrej A.* Plans for independence // Foreign Affairs. – 1956. – Vol. 34, N 3. – P. 483–489. – DOI: <https://doi.org/10.2307/20031179>
- Barwig A.* How electoral rules matter: voter turnout in Morocco's 2007 parliamentary elections // The Journal of North African Studies. – 2009. – Vol. 14, N 2. – P. 289–307. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13629380802563650>

- Bennouna M.* Our Morocco: the true story of the just cause. – Morocco: Underground Group, 1951. – 234 p.
- de Tarde A.* The work of France in Morocco // *Geographical Review*. – 1919. – Vol. 8, N 1. – P. 1–30. – DOI: <https://doi.org/10.2307/207316>
- Esposito J., Sonn T., Voll J.* Islam and democracy after the Arab Spring. – N.Y.: Oxford university press, 2016. – 306 p.
- Esposito J., Voll J.* Islam and democracy. – N.Y.: Oxford university press, 1996. – 202 p.
- Gallissot R.* L'économie de l'Afrique du Nord. – Paris: Presses universitaires de France, 1978. – 125 p. – Фр. яз.
- Inglehart R., Norris, P., Ponarin E.* World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile 1981–2014. – Madrid: JD Systems institute, 2014. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp> (Accessed: 27.03.2019.)
- Is non-western democracy possible? A Russian perspective / A.D. Voskressensky (ed.). – New Jersey: World Scientific, 2017. – 738 p.
- Johnson K.* Urbanization in Morocco: An international urbanization survey report. – N.Y.: Ford Foundation, 1971. – 135 p.
- Levitsky S.* Institutionalization and Peronism: the case, the concept, and the case for unpacking the concept // *Party politics*. – 1998. – Vol. 4, N 1. – P. 77–92. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068898004001004>
- Pellicer M., Wegner E.* Socio-economic voter profile and motives for Islamist Support in Morocco // *Party politics*. – 2014. – Vol. 20, N 1. – P. 116–133. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068811436043>
- Pellicer M., Wegner E.* The justice and development party in Moroccan local politics // *The Middle East journal*. – 2015. – Vol. 69, N 1. – P. 32–50. – DOI: <https://doi.org/10.3751/69.1.12>
- Roy O.* The failure of political Islam. – Cambridge, MA: Harvard university press, 1998. – 258 p.
- Szmolka I.* Party system fragmentation in Morocco // *The Journal of North African studies*. – 2009. – Vol. 15, N 1. – P. 13–37. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13629380902727569>
- Tozy M.* Monarchie et Islam Politique. – Paris: Presses de Sciences Politiques, 1998. – 282 p. – Фр. яз.
- Wegner E.* Islamist opposition in authoritarian regimes: the party of justice and development in Morocco. – Syracuse, NY: Syracuse university press, 2011. – 208 p.

A.S. Kozintsev*

**Institutionalization of islamist parties in the process of nation-building:
the case of the Moroccan party of justice and development**

Abstract. Rapid social and political change triggered by increasing rates of modernization and globalization processes in the Middle East led to mismatch between

* **Alexander Kozintsev**, PhD student, Department of Comparative Politics, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

traditional Islamic practices and nation state institutions. A pressing need for Islamic identity reconstruction within a framework of the nation states makes Arab rulers seek new «hybrid» forms of governance and regime legitimation. This paper argues that Islamist political parties may act as essential intermediaries between people's traditional religious awareness and emerging national sentiment. Consequently, the inclusion of such parties in governing institutions serves to overcome potential conflict stem from the breakdowns of political modernization. In order to maintain this claim detailed within-case empirical analysis of Moroccan Justice and Development Party (JDP) is used. The author analyzes: (1) Moroccan territorial consolidation under the French protectorate; (2) regime strategy towards Islamist movement during the formation of political parties and (3) JDP inclusion as a «moderate Islamist party». By investigating the internal and external dimensions of JDP political participation, the author demonstrates that this Islamist party acts as a modern political institution and successfully integrates Islam into Moroccan national identity. The article concludes that moderate Islamist political parties may be viewed as the cornerstone of nation building in the contemporary Middle East.

Keywords: political parties; political Islam; Islamist parties; Morocco; identity politics; nation building.

For citation: Kozintsev A.S. Institutionalization of islamist parties in the process of nation-building: the case of the Moroccan party of justice and development. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 258–280. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.10>

References

- Al-Fassi A. Independence movements in North Africa. Beirut: Ar-Risala Press, 1948, 488 p. (In Arabic)
- AlKhatib W. et al. *Arab Barometer: Public Opinion Survey Conducted in Algeria, Egypt, Jordan, Lebanon, Morocco, Palestine, and Tunisia, 2016*. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], 2018. DOI: <https://doi.org/10.3886/ICPSR37029.v1>
- Atkin M. The rhetoric of islamophobia. *Central Asia and the Caucasus*. 2000, Vol. 1, P. 123–132.
- Balafrej A. Plans for independence. *Foreign Affairs*. 1956, Vol. 34, N 3, P. 483–489. DOI: <https://doi.org/10.2307/20031179>
- Barwig A. How Electoral Rules Matter: Voter Turnout in Morocco's 2007 parliamentary elections. *The Journal of North African Studies*. 2009, Vol. 14, N 2, P. 289–307. DOI: <https://doi.org/10.1080/13629380802563650>
- Bennouna M. *Our Morocco: the true story of the just cause*. Morocco: Underground Group, 1951, 116 p.
- de Tarde A. The work of France in Morocco. *Geographical Review*. 1919, Vol. 8, N 1, P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.2307/207316>
- Dolgov B. political Islam movements in Maghreb. *MGIMO Review of International Relations*. 2010, N 5 (14), P. 123–132. (In Russ.)

- Esposito J., Sonn T., Voll J. *Islam and democracy after the Arab Spring*. N.Y.: Oxford university press, 2015, 321 p.
- Esposito J., Voll J. *Islam and democracy*. N.Y.: Oxford university press, 1996, 202 p.
- Gallissot R. *The economy of North Africa*. Paris, presses universitaires de France, 1978, 125 p. (In French)
- Inglehart R., Norris, P., Ponarin E. *World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile 1981–2014*. Madrid, JD Systems Institute, 2014. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>. (accessed 27.03.2019.)
- Is Non-Western democracy possible? A Russian perspective*. Ed. by Voskressensky A.D. New Jersey: World Scientific, 2017. 738 p.
- Johnson K.M. *Urbanization in Morocco. An international urbanization survey report*. New York: Ford Foundation, 1971, 135 p.
- Kudrjashova I. Islamic political identity: unity and diversity. *Identity: individual, society, politics. Encyclopedia*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir, 2017, P. 228–241. (In Russ.)
- Kudrjashova I. Nation-building in the Middle East: from Ummah to Nation State? *Political Science (RU)*, 2008, N 1, P. 132–166. (In Russ.)
- Landa R. *Political Islam: preliminary assessment*. Moscow, Middle East Institute, 2005, 286 p. (In Russ.)
- Levitsky S. Institutionalization and Peronism: the case, the concept, and the case for unpacking the concept. *Party Politics*. 1998, Vol. 4, N 1, P. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068898004001004>
- Malashenko A. Where does islamophobia come from? *Russia and the Moslem World*. 2007, N 3, P. 121–141. (In Russ.)
- Orlov V. Morocco: monarchy and Islam in multiparty system. *Russia and the Moslem World*. 2010 a, N 5, P. 128–137. (In Russ.)
- Orlov V. Morocco: Monarchy and Islam in Multiparty System (conclusion). *Russia and the Moslem World*. 2010 b, N 7, P. 134–141. (In Russ.)
- Orlov V. *Monarchy and Islam in Alaouite Morocco: History of Development in 17th–21st centuries*. PhD dissertation. Moscow state university, 2013, 46 p. (In Russ.)
- Pellicer M., Wegner E. Socio-economic voter profile and motives for Islamist support in Morocco. *Party politics*. 2014, Vol. 20, N 1, P. 116–133. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068811436043>
- Pellicer M., Wegner E. The justice and development party in Moroccan local politics. *The Middle East journal*. 2015, Vol. 69, N 1, P. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.3751/69.1.12>
- Roy O. *The failure of political Islam*. Cambridge, MA: Harvard university press, 1998, 258 p.
- Sapronova M. Islamic political parties and the state. *Asia and Africa today*. 2018, N 11 (736), P. 30–33. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032150750001786-6> (In Russ.)
- Sergeev M. *History of Morocco. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2001, 359 p. (In Russ.)
- Syukiyaynen L. Islamic conception of caliphate: fundamentals and contemporary interpretation. *Islam in the modern world – intra-governmental and international political issues*. 2016, Vol. 12, N 3, P. 139–152. (In Russ.)

- Szmolka I. Party system fragmentation in Morocco. *The Journal of North African Studies*. 2010, Vol. 15, N 1, P. 13–37. DOI: <https://doi.org/10.1080/13629380902727569>
- Tozy M. *Monarchy and political Islam*. Paris: Presses of political sciences, 1998, 282 p. (In French)
- Volodina M.A. *Berbers of North Africa: cultural and political evolution (Morocco case)*. Moscow, IMEMO RAS, 2011, 112 p. (In Russ.)
- Wegner E. *Islamist opposition in authoritarian regimes: the party of justice and development in Morocco*. Syracuse, NY: Syracuse university press, 2011, 232 p.